

Н.Г. Красноярова

Омский государственный педагогический университет

Природа как концепт культуры: опыт культурфилософского очерка реки, воды, потока

09.00.01 – онтология и теория познания

А

В статье показывается, что в философии существует три образа воды: как первоначало или одна из исходных стихий, как движение, изменчивость, время и как поток сознания. Природный объект, надеясь разными смыслами, обретает свое специфическое бытие в культуре.

Культура начинается и продолжает существовать как продолжение природы, представляя особый, неизвестный самой природе ее облик, в котором совмещаются естественные природные компоненты с их сверхъестественными обретаемыми в культуре смыслами.

Природный объект – река (вода) – преобразуется культурой в культурный объект и осмысливается в философии культуры как *концепт*.

Концепт или понятие?

Понятие «река» как абстрактный образ объективно существующих свойств группы объектов определяется, например, таким образом: «река – это постоянные потоки воды на земной поверхности, образуются из воды, выпадающей в виде разных атмосферных осадков; и т.д. (МЭС Брокгауза и Эфрона).

Концепт – понятие, сформированное *речью*, т.е. языком, осуществляемым не столько в сфере грамматики, сколько в пространстве *души*, где важна интонация, возможны бесконечные уточнения, включение ассоциаций, комментарии, особый ритм, жестикulyция, фрагментарность, и т.д. Это понятие в процессе его обдумывания и индивидуализации, направленное на диалог, на участие Другого (слушателя, читателя). Основная составляющая концепта – то, что понятно и общезначимо каждому в данной культуре. «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [1].

«Концепт реки» – фиксация разных планов бытия реки в виде образов, порождающих и обосновывающих разнообразные культурно-символические ее (реки) значения.

Философия реки (воды)

Философия, обращаясь к какому-либо объекту, ставит целью включить его, насколько это возможно, в единое мировое целое как часть, вписать в некое единство. В то же время сам объект в процессе переживания, познания и осознания становится космосом, той точкой, местом, центром, через которые виден мир. Прочитав замечательного русского писателя Сигизмунда Кржижановского [2]: «...Философия, чтобы видеть вещи, ...постигая *нечто*, не близится к нему, а уходит от него, с тем, чтобы найти его затерянным во *всё*. Можно ставить на обложках рядом со словом «философия» в родительном падеже любой *нечто*: «права» – «любви» – «театра» и т.д. Но у философии есть лишь один ее объект: *всё как таковое*». Кржижановский ставит задачу *философии театра*, которая «возможна лишь в том случае, когда *театр и всё* совпадают, то есть когда нет ничего в мире, что не было бы театром в той или иной его модификации»; задача, следовательно, состоит в том, чтобы «слить порог театра с порогом сознания; порог сознания — с пределом мира» [3].

Река (вода в движении) – природный объект, который входит во «*всё как таковое*». И задача – увидеть, как река (вода) и *всё* совпадают, и что нет ничего в мире при этом взгляде на реку, что не было бы той или иной ее модификацией.

Река как «мировое событие»

Осмысление водной движущейся стихии в ее уникальной значимости выводит на прозрение её универсализма, превращение объекта осознания в «*мировое событие*» – событие, как пишут М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский, стоящее как бы на линиях, пронизывающих любые эпохи, любые человеческие структуры, какие бы они ни были – культурные, социальные, личностные. Природный объект становится принципиально большим, существует как бы вне времени. «Мировое событие» – понятие, позволяющее представить культуру как целое, все культуры в их единстве – в одной точке мировой линии, независимо от того, можно ли в их реальной связи проследить преемственность, заимствование в одной культуре из другой, в одной мифологии из другой. «Потоп» как разлив реки или морское наводнение есть просто событие. Но «потоп» как символ, который «выдан» сознанием, есть «мировое событие». «Всемирный потоп» может осознаваться как повторяющийся миллионы раз, либо как бывший (или – не бывший) один раз, но он уже представлен в культуре человечества как «мировое событие» [4].

Материал мифов составляется из мировых событий (мифемы). Философемы, создаваемые философией – образы мирового *со-бытия*: присутствие данного объекта в мировом целом и присутствие мира в нем.

Вода – начало, изначальная стихия

«В самых различных мифологиях вода – *первоначало*, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса... Вода – это среда, агент и принцип всеобщего зачатия и порождения...» [5]. Гомер в «Илиаде» говорит об океане, из которого «текут все реки и все море, все источники, и глубокие колодцы». В библейской картине творения в начале сотворил Бог небо и землю: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездной, и Дух Божий носился над водой» [Быт. 1:1-2]. Вода присутствует при творении как данность, противостоящая Духу, который носится над водой. Из воды появляется череда земных творений. Вода по сути предваряет явление мира, она у его истока.

В основе одного из первых философских объяснений мира, принадлежащих Фалесу Милетскому, лежит утверждение, что «*все появляется из воды и в воду все разлагается*» [6]. Вода у Фалеса – это, прежде всего, *влажность*. Влажность – неперемное условие жизни (пища, семена – влажны). «*Солнце и звезды созданы из паров. Каждое существо имеет в воде начало бытия и плодоношения*». Влажное начало, как порождающее жизнь, само есть живое. Вода как первоначало оживляет, а, значит, и одушевляет: в природе ничего нет бездушного.

Жизнь, душа – категории, закрепляющие изначальность воды как стихии, обосновывают своеобразную поэтику воды, сопровождающую и дополняющую ее «стихийный» или субстанциональный философский образ. Вода более чем какая-либо иная стихия поддается описанию поэтическим языком, т.к. она как материя единообразна и одновременно многообразна в визуальных и звуковых проявлениях. Воображение, привязанное к воде в ее субстанциональных характеристиках, порождает основанную на совокупности впечатлений о реальном природном объекте *метафору воды* – сжатое выражение ее универсальных культурных смыслов.

Вода озвучена своим *голосом*: ручьи и реки *озвучивают* пейзажи, а в звуках воды и звучании человеческой речи существует глубинную связь. Звуковые образы воды бесконечно разнообразны. Один из философов назвал веселое журчание воды детским языком Природы [7. С.60].

У воды есть *характер*: вода может быть по стихийному буйной, опасно для человека гневной, проявлять черты, которые требуют *укрощения*. Покорение изначальной вод-

ной стихии, укрощение воды, реки – это и взлеты человека в обретении своего собственного человеческого бытия, и падения его в попытке посягательства на естественный порядок ради альтернативного бытия, способности культурной самостоятельности. Власть над водой дарует мертвым землям чудо возрождения. Но в тоже время чрезмерное усердие в подчинении и принуждении этой свободной стихии оборачивается осквернением и омертвлением и других стихий-начал – земли и воздуха.

Один из героев М.Е. Салтыкова-Щедрина градоначальника Угрюм-Бурчеев из «Истории одного города», одержимый манией выпрямления и нивелировки, прибыл в город Глупов с уже готовым планом («систематизированным бредом») его переустройства. «На другой же день по приезде он обошел весь город... Шел он долго, всё простирая руку и проектируя, и только тогда, когда глазам его представилась река, он почувствовал, что с ним совершилось нечто необыкновенное. Он позабыл... он ничего подобного не предвидел... Излучистая полоса жидкой стали сверкнула ему в глаза, сверкнула и не только не исчезла, но даже не замерла под взглядом этого административного василиска.

— Кто тут? — спросил он в ужасе.

Но река продолжала свой говор, и в этом говоре слышалось что-то искушающее, почти зловещее».

«...Дома он через минуту уже решил вопрос по существу. Два одинаково великих подвига предстояли ему: разрушить город и устранить реку». «Город приник; в воздухе чувствовалась спертость и духота. *Он* еще не сделал никаких распоряжений, не высказал никаких мыслей, никому не сообщил своих планов, а все уже понимали, что пришел *конец*» [8].

Конец начался с разрушения старого города до основания и со сброса всего городского мусора в реку. Обывателям было жаль реку, но они были забыты и не воспротивились этому насилию.

Замыслы Угрюм-Бурчеева не удались: за ночь река размыла и унесла плотину и снова двигалась в своих берегах. На этом планы градоначальника не исчерпались, но с рекой как наиболее своенравным нерукотворным явлением совладать не удалось. Но до поры до времени! Образ перекрытых рек, подчиненных в своей мощи человеку и служащих ему, стали символом грандиозных самых масштабных проектов по переустройству и преобразованию не только природы, но и общества, и всей человеческой истории. Кажется, апофеозом в развитии этого образа-символа стал замысел текущих вспять рек или «переброса вод сибирских рек с севера на юг», с которым так отчаянно боролся писатель С. Залыгин. Конечно, подчиненная мощь великих и малых рек служит человеку, и без этой преобразованной мощи невозможно представить жизнь современной цивилизации, но драматизм и трагизм этих усилий по «выпрямлению» извилистых линий рек и усмирению их свободы в гранитных берегах или в перекрывающих их путь плотинах и гидроэлектростанциях откликается эхом в опустошенных пространствах, в перекосах судеб покинувших свои дома жителей. Как чуткий камертон откликалась на содеянное великая русская литература от А.С. Пушкина с его «Медным всадником» о реке, отомстившей городу за насилие над собой, до «Прощания с Матёрой» В. Распутина и «Царя-рыбы» В. Астафьева с их покаянием и плачем по сибирским рекам.

Вода – стихия *связывающая*, находящаяся во *взаимодействии* с другими стихиями и их составляющими, иллюстрирующая на своем примере комбинирование свойств различных сил. Союз воды и огня – материальный образ *горячей влажности*, который в космогонических теориях порождает все формы жизни. Союз воды и огня – это соединение воды и *света*, которым ее озаряют огненные светила – Солнце, звезды и отраженным светом Луна. Световые и цветковые оттенки воды – предмет эстетического наслаждения и художественного подражания. Свет при встрече с прозрачной водой насыщается и проясняется. Свет формирует наше видение воды, дает нам чистоту зрения как основу опыта эстетического созерцания.

Спокойная освещенная водная гладь приобретает *зеркальность*. «...Наш предок имел возможность многократно наблюдать свое отражения на поверхности воды, и, видимо, на каком-то этапе он установил связь образа на водяной поверхности с самим собой, то есть приобрел *опыт самоидентификации*» [9].

Водное зеркало – естественный источник самосозерцания. «У источника возникает *идеализирующий нарциссизм*, по существу, нарциссизм играет и позитивную роль в эстетическом творчестве, а благодаря стремительным преобразованиям — и в литературном» [7. С. 46].

Союз воды и *земли* создает замес, материал для лепки, для творчества, строительства, в котором растворенную форму еще предстоит выявить. Творение (строительство) – это создание форм, в которой, благодаря воде, сочетаемы все стихии. Вода, смягчая, становится первой помощницей строителя. В процессе *схватывания* материи водой наш визуальный опыт дополняется осязательным опытом восприятия стихий. Согласно Г. Башляру, влажная земля – это чувственная мечта ладони, то, с чем она идеально слепляется, образует архетипическое целое. Как если бы земной прах, из которого вылеплена рука, заново наполняет эту руку, обретает в ней идеальное вместилище, а она в нем – свое идеальное содержимое [7. С. 151-162]. Вода с ее размягчающей природой становится необходимым условием осязаемой, слепленной красоты, «*лепоты*» по-старорусски.

Но вода, связывая все другие стихии, в своей не соединенной с чем-либо изначальности, в своей *чистоте* (*чистая вода* – усиление значимости значимого) становится источником и затем материальным воплощением образа и идеи чистоты – величайшей символической ценности человеческого бытия. Чистая вода – *питающая* вода, утоляющая жажду человека и поящая землю. Среди смысловых оттенков образа чистой воды – ее *свежесть*, вносящая в природу и в человека *очищение*. Обряды очищения имеет ценность и смысл как процесс возрождения. Путем очищения человек приобщается к некоей животельной возрождающей силе, которой наделяется каждая капля жидкости. Потому очищение может быть и простым окроплением.

У русского философа Д. Андреева долгожданная встреча в знойный день с лесной речкой («Что за жемчужина мироздания!») представлена как опыт Встречи с Душой Природы: после купания в ней «я чувствовал, что сердце мое так освежено, так омыто, так чисто, так блаженно, как могло бы оно быть когда-то в первые дни творения, на заре времен. ...Происшедшее со мной было ...настоящим омовением в самом высшем смысле этого слова. ... На берег выйдешь с таким чистым просветлевшим и радостным сердцем, каким мог бы обладать человек до грехопадения» [10].

Вода в христианстве – символ крещения, она связана с рождением, творением и возрождением. Омыться водой — меняться, избавляясь от чего-то внешнего, пить воду из источника или реки — меняться внутренне — принимать в себя нечто новое, размещаться у текущей воды — пребывать в состоянии неопределенности, перехода. Именно в этом — инструментальном — значении вода используется в переходных ритуалах, относящихся к самым разным культурным традициям и к разным эпохам. Крещенская купель символизирует новое рождение в качестве христианина. Омывание после долгой дороги — снятие постороннего и готовность присоединиться к своему сообществу.

У Г. Башляра есть такая мысль, которая далее, в конкретных исследованиях, развивается уже как своеобразная методология: образы, возникнув, став метафорами и символами, осуществляют обратное воздействие, порождая развитие «материального воображения» – воображения, отталкивающегося от или питающегося природной стихией. Можно даже говорить о «воображении» самой стихии, которая начинает проявлять себя в дробности, нюансировке в рамках метафор-схем ею же, этой стихией порожденных. Так, вода обладает таким «воображением»: вода, являясь для человека, источником многообразных метафор и символов, входя в качестве архетипической субстанции в культуру, сама получает затем дополнительные эстетические характеристики, как бы развивает определяемое самой водой, выявляя себя как природную основу метафор более глубоко и разнообразно.

Башляр пишет потому без кавычек о нравственности воды... Могущество водной символики – это пример своеобразной естественной морали, которой можно обучиться посредством медитации над одной из основных субстанций [7].

Река – метафора времени

В свойствах воды как первостихии есть особо отличающее ее – *текучесть*: «Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь» [Еккл. 1:7].

Текучая или движущаяся вода, вода-*поток*, имеющая определенную форму (русло), т.е. *река* – буквальное материальное воплощение идеи движения, изменчивости. Но изменчивость измеряется временем. Образ реки – *метафора времени*.

Августин Блаженный говорил о времени, что «пока меня не спрашивают об этом, я знаю; когда спрашивают, я не знаю». Гераклит ввел в философию образ *реки, потока, течения*, благодаря которому он делает ясной сложнейшую мысль об изменчивости и становлении бытия. «*Все по Гераклиту движется наподобие течения*» (Платон); «*По Гераклиту, всё движется*» (Аристотель); «*В одну и ту же реку нельзя войти дважды*» [б. С. 209-210].

Аргентинский писатель Х.Л. Борхес в новелле «Время» объясняет, почему для нас так понятна эта метафора «время – река, поток, течение»: «Предположим, что вместо пяти чувств у нас есть лишь одно. Пусть это будет слух. Тогда исчезнет зрительный мир, то есть исчезнут небосвод, звезды... Так как мы лишимся осязания, исчезнет неровное, гладкое, шероховатое. Если мы потеряем также обоняние и вкус, пропадут локализованные в языке и в носу ощущения. Останется только слух. Тогда перед нами предстанет мир без пространства. Мир индивидуальностей. ... В этом мире у нас всегда будет время. Потому что время — это последовательность. ... Я вспоминаю прекрасную строчку Теннисона в одном из ранних его стихов: «Time is flowing in the middle of the night» («Время, струящееся в полночь»). Какой поэтический образ: весь мир спит, но бесшумная река времени (эта метафора неизбежна) струится по земле, под землей, в межзвездном пространстве. ... От времени мы не можем абстрагироваться. Наше сознание постоянно переходит от одного состояния к другому, а это и есть время: последовательность. ... Мы и поныне ощущаем то древнее смущение, которое когда-то поразило Гераклита. Я снова и снова возвращаюсь к его изречению: никто не войдет дважды в одну и ту же реку. Почему никто никогда не войдет дважды в одну и ту же реку? Во-первых, потому что воды реки текучи. Во-вторых — и это метафизически затрагивает нас, пробуждая что-то вроде священного ужаса, — потому что мы сами подобны реке, мы также текучи...» [11. III. С. 543-544], «...что мы лишь капли /неверной Гераклитовой реки...», как сказано в одном из стихотворений Борхеса. «...Время — дар вечности. Вечность позволяет нам жить в последовательностях. У нас есть дни и ночи, часы и минуты, у нас есть память, есть сиюминутные ощущения, и, наконец, у нас есть будущее, будущее, которого мы еще не знаем, но предчувствуем или боимся. Время — река, текущая к нам от своего непостижимого начала, из прошлого в будущее — и это нам понятно. ... В нашем жизненном опыте время всегда подобно реке Гераклита...» [11. III. С. 543-544]. «*Мы – время. Мы – живое воплощенье /той Гераклитовой старинной фразы./Мы – капли, а не твердые алмазы./Мы – влага не затона, а течения./Мы – воды с мимолетными чертами /эфесца, к ним припавшего. Движенье /колышет и меняет отраженья /на глади, переменчивой, как пламя./Мы – реки, что дорогою заветной /бегут к морям. Потемки беспросветны./Минует все. Ничто не повторится./Своей монеты память не чеканит./Но что-то потайное в нас не канет, /и что-то плачущее не смирится*» [11. IV. С. 265].

«Течение времени», «поток времени» – субстанциональные метафоры, выражающие качественное свойство времени. Именно такое переживание времени соответствует «здравому смыслу» человека: события или имеют место теперь, в настоящий момент или представляются как прошлые либо будущие.

Французский философ М. Мерло-Понти в своем произведении под названием «Временность» пишет, что знаменитая метафора Гераклита на самом деле очень запутана: «...Время предполагает взгляд на время. ...Если эта метафора смогла сохраниться от Гераклита до наших дней, это означает, что мы неявно помещаем в этот поток кого-то, кто наблюдает его течение. ... Но стоит мне ввести наблюдателя, следует ли он за потоком или на берегу реки следит за ее течением, – временные отношения переворачиваются. ... Если наблюдатель, находящийся в лодке, следует по течению, конечно, можно сказать, что он спускается с потоком навстречу своему будущему, но это будущее – новые пейзажи, ожидающие его в пойме реки, и течения времени – это уже не сам поток: это развертывание пейзажей перед движущимся наблюдателем. Время, следовательно, – это не какой-то реальный процесс, действительная последовательность, которую я бы только регистрировал. Оно рождается из *моей* связи с вещами. ... Время в том первоначальном его переживании, которым мы обладаем, – это для нас не система объективных позиций, через которые мы проходим, но некая подвижная среда, которая удаляется от нас, как пейзаж в окне вагона. Впрочем, мы не в полной мере полагаем, что пейзаж движется: шлагбаум промелькнул в мгновение ока, но холм вдалеке едва перемещается. ...Время для меня существует только по тому, ...что я открываю себя уже вовлеченным в него, потому что тотальность бытия не дана мне как нечто наличное (*en personne*) и, наконец, потому, что один срез этого бытия так близко, вплотную от меня, что я не могу его *увидеть* («шлагбаум промелькнул в мгновение ока» – *Н.К.*) как не могу увидеть собственного лица» [12].

Философский образ-понятие времени-реки, времени-потока эхом откликается в поэтических отражениях: в русской традиции от Г.Державиным, введшего формулу «река времён» («*Река времен в своем стремленьи /Уносит все дела людей /И топит в пропасти забвенья /Народы, царства и царей. /А если что и остается /Через звуки лиры и трубы, /То вечности жерлом пожрется /И обшей не уйдет судьбы*») до последнего классика XX века И. Бродского, у которого «река времен» безмолвна и холодна, покрыта ледяным панцирем.

Время *бесконечно*, но в *вечности* времени *конечно* отдельное, например, жизнь. Для Гераклита животворящей силой был огонь – «*то затухающий, то воспламеняющийся вновь*». Во сне, представлял Гераклит, душа, отделяясь от источников животворящего и вселенского огня, «*мгновенно проявляет склонность превращаться во влагу*». Это значит, что для Гераклита смерть есть сама вода.

Вода, *река* или *море* – приглашение к путешествию. И не всегда путешествию в жизни, но и путешествию *из* жизни. Время жизни конечно, река времен – это и река, разделяющая, проводящая границу между одним временем и другим, или между временем жизни (бытия) и смерти (небытия). Время необратимо, метафора «река времени» включает трагическую ноту ухода, утраты, безвозвратности. Не потому ли, прощание на берегу моря ли, реки ли как будто изначально включает в себя и тревогу, и печаль и стало в искусстве, сюжетом, эпизодом, символизирующим перелом в судьбах героев, переход к новому этапу, возможную утрату и возможные новые обретения, и т.д.

В «Ивановом детстве», фильме 1963 года Андрея Тарковского, – одна из сильнейших по воздействию кинометафор – образ реки, через которую переправляется мальчик Иван, отправляясь разведчиком в расположение немецких войск. Это одновременно и реальная река, и роковая граница между жизнью и смертью, между миром реальным и потусторонним миром, откуда нет возврата. В другом знаменитом фильме «Апокалипсис сегодня» Ф. Коппалы одна из главных метафор – путешествие по реке в поисках обезумевшего майора Курца, ставшего богом и царем дикого племени, – путешествие во времени, погружение непросто в прошлое, но в праисторию, откуда нет выхода.

Метафора «река времени» универсальна, но в контексте той или иной культуры ей отводится определенное место в иерархии смыслов, она может выполнять разные в разных культурах функции.

Для человека западной, активно деятельной культуры больше характерна позиция наблюдателя «смены пейзажей» (М. Мерло-Понти), стремящегося временем управлять, тогда как люди других культур, часто определяемых как пассивно созерцательные (восточные), скорее погружаются в реку времени и отдаются ее течению, преодолевая разобщенность с подлинным Бытием.

Сознание как поток

Осмысление воды в ее текучести вывело философскую мысль на проблему изменчивости, на проблему времени, метафорически оформленную как «река времени», «поток времени». Наше сознание не может абстрагироваться от времени, поскольку само представляет переход от одного состояния к другому, последовательность или время.

Одна из ведущих для философии метафор, предложенная американским философом У. Джемсом, – «сознание как поток» [13]. Каждое состояние сознания является частью личного сознания; в границах личного сознания его состояния изменчивы и всякое личное сознание представляет непрерывную последовательность ощущений. Т.е., пишет Джемс, в сознании происходят *непрерывные перемены*: ни одно раз минувшее состояние сознания не может снова возникнуть и буквально повториться. Мы то смотрим, то слушаем, то рассуждаем, то желаем, то припоминаем, то ожидаем, то любим, то ненавидим; наш ум попеременно занят тысячами различных объектов мысли. Мы сознаем душевные состояния, предшествующие и следующие как части одной и той же личности. Перемены в качественном содержании сознания никогда не совершаются резко. Движение мысли настолько стремительно, что почти всегда приводит нас к какому-либо заключению еще до того, как мы успеваем затормозить мысль. Конечно, мысль можно приостановить, но тогда она прекращает быть сама собой... Сознание не выглядит разделанным на кусочки... Оно также и не представляет собой какую-либо однородность: оно течет. Поэтому вряд ли подходящей для сознания будет метафора «цепь (или ряд) психических явлений». Всего естественнее к нему применить, считает Джемс, метафору «река» или «поток».

В потоке нашего сознания поражает, пишет Джемс, различная скорость течения в отдельных частях. В сознании есть «остановочные пункты» и «переходные промежутки»... «Мысль несется стремглав, так что почти всегда приводит нас к выводу раньше, чем мы успеваем захватить ее. Если же мы и успеваем захватить ее, она мигом видоизменяется. Снежный кристалл, схваченный теплой рукой, мигом превращается в водяную каплю...». Своеобразным руслом сознания как потока являются «предварительные схемы мысли», из которых состоят 2/3 нашей душевной жизни. Всякий определенный образ в нашем сознании погружен в массу свободной, текущей вокруг него «воды» и замирает в ней».

Соединив в метафоре потока сознание и водную стихию, вернемся к тем изначальным свойствам стихии, из которых произрастает разнообразие важнейших для человеческого бытия смыслов: *голос (язык), характер-свобода и укрощение, связующее свойство или связность, связанность; зеркальность; строительство или творение формы; чистота, очищение*. Замкнем круг наших рассуждений и перенесем эти характеристики водной стихии на сознание и с помощью «водных» метафор-схем опишем его. *Голос* сознания – язык и речь; в природе сознания *свободный и неукротимый* характер, который может закаляться, а может истощаться от посягательств *укрощения*; сознание *связывает* мир в единое целое; *зеркальность* или самосознание; сознание – *творение*, деятельность, активность; *чистота* или ясность сознания; *очищение* – прозрение, познание как постижение...

Итак, три образа воды (реки) в философии: 1) вода как *первоначало* или одна из *исходных стихий*; 2) река – это *движение, изменчивость, время*; 3) наше *сознание* – река, поток. Природный объект, прорастая в культуре разными смыслами, обретает свое «второе», культурное бытие. Культура же вглядывается в «культурный природный объект» как в зеркало, прозревает, постигает, накапливает себя как сферу ценностей свободы и творчества. Реальная природная вода, реальные водоемы, реки и речки, имеющие свое имя и ме-

сто в пространстве нашей планеты, благодаря культурфилософским образам, приобретают определенные координаты видения – взгляд на конкретное явление природы, например, на конкретную поименованную реку как на «всё», когда именно данная река будет являть собой природную метафору универсальных смыслов и потому в этом своем статусе обнаружит исключительность и бесценность как «мирового события», стоящего на «мировой линии», связующей эпохи и времена, прошлые и будущие поколения...

Библиография

1. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001. – С. 43.
2. С. Кржижановский писал в 20–40-х годах прошедшего века, как это бывало, «в стол», первые публикации – через сорок лет после смерти (умер в 1950 году). «Прозёванный гений» – трагическая формула этой судьбы.
3. Кржижановский С.Д. Философема о театре // URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/04/krzhizhan04.shtml>.
4. См.: Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке. – М., 1997. – С. 54-56.
5. См.: Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 тт. – М., 1991. – Т. 1. – С. 240.
6. См.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М., 1989. – С. 109.
7. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. – М., 1998.
8. См.: Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр соч в 10 тт. – М., 1987. – Т. 2. – С. 453-460.
9. См.: Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. – М., 1995.
10. Андреев Д.Л. Роза Мира. – М., 1993. – С. 45-46; 104.
11. Борхес Х.Л. Собр. соч.: в 4 тт. СПб., 2005.
12. См.: Мерло-Понти М. Временность // URL: <http://philosophy.allru.net/perv235.html>.
13. Джемс У. Поток сознания // Джемс У. Психология. – М.: Педагогика, 1991. – С. 56-80.